

С. Э. Таривердиева

СОВЕТ АГРИППЫ СОРАТНИКАМ (DIO CASS. XLIX. 4): ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Автор рассматривает сообщение Диона Кассия (XLIX. 4) о совете, который дал своим соратникам во время Сицилийской войны Марк Агриппа. Данный эпизод обычно либо отвергается как недостоверный, либо рассматривается как свидетельствование некоторого недоверия между Августом и Агриппой. В статье предпринята попытка показать, что этот совет полностью соответствует совместной политике Августа и Агриппы.

Ключевые слова: Марк Агриппа, Август, принципат, Сицилийская война, отказ от триумфа, Дион Кассий.

В о время войны Октавиана с Секстом Помпеем произошел любопытный эпизод. В конце битвы при Милах Секст Помпей начал отступать, Агриппа же не стал преследовать врага. Аппиан (BC. V. 108) и Дион Кассий (XLIX. 4) сходятся во мнении, что причиной послужили опасения полководца застрять с более крупными, чем у Помпея, судами на мелководье. Однако Дион этим объяснением не ограничивается: «Итак, поздно, уже почти к ночи цезарианцы победили, и при этом не стали никого преследовать, как мне кажется и как представляется правдоподобным, потому что не смогли бы их захватить и потому, что боялись потерпеть крушение возле земли, имеющей мели, которых они не знали; некоторые же говорят, что Агриппа счел достаточным обратить неприятеля в бегство, так как сражался за Цезаря, а не за себя. Ведь он имел обыкновение говорить близким соратникам, что большинство находящихся у власти не желает, чтобы кто-либо оказался могущественнее, но большую часть тех дел, что сулят легкую победу, они выполняют сами, а те дела, которые менее значительны и удобны, они предоставляют другим. И всякий раз, когда они вынуждены уступить другим лучшее, их удручает и раздражает слава тех; ибо они не желают, чтобы другие терпели поражения и оказывались в трудном положении, однако предпочитают, чтобы те, даже когда полностью чего-либо добьются, не обретали славы. Итак, он советовал, что тому, кто желает спастись, следует избавлять их (властителей. – С.Т.) от тяжести дел и прибегать для них свой успех. Я знаю, что так и происходит, и что и Агриппа заботился об этом, но я не пишу, что в тех обстоятельствах это было причиной того, что он не преследовал, ибо если бы он даже очень захотел, то не смог бы их преследовать»¹.

Таривердиева Сабина Эльмар кызы – соискатель на кафедре истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета.

¹ *Dio Cass. XLIX. 4:* ὁψὲ δ' οὖν ποτὲ καὶ πρὸς νύκτα ἦδη οἱ τοῦ Καίσαρος ἐκράτησαν, οὐ μέντοι καὶ ἐπεδίωξαν τινα, ὡς μὲν ἐμοὶ δοκεῖ καὶ τὸ εἶκος συμβάλλεται, ὅτι μήτε καταλαβεῖν αὐτοὺς ἐδύναντο, καὶ ἐς τὴν γῆν, βράχη ὧν ἄπειροι ἦσαν ἔχουσαν, ἐφοβήθησαν ἐξοχεῖλαι· ὡς δὲ τινες λέγουσιν, ὁ Ἀγρίππας, ἅτε καὶ ὑπὲρ τοῦ Καίσαρος ἀλλ' οὐχ ὑπὲρ ἑαυτοῦ μαχόμενος, ἐξαρκεῖν οἱ τὸ τρέψαι τοὺς ἀντιπάλους ἠγεῖτο. καὶ γὰρ εἰώθει λέγειν πρὸς τοὺς πάνυ ἐταίρους ὅτι οἱ πλείους τῶν ἐν ταῖς δυναστείαις ὄντων οὐδένα ἐθέλουσι κρείττω σφῶν εἶναι, ἀλλὰ τὰ μὲν πλείω, ὅσα γε καὶ πρόχειρον τὴν νίκην

Марк Агриппа занимал важное место в государстве, в конце жизни был соправителем принцепса, поэтому высказывание Агриппы о властителях и их помощниках, которое приводит здесь Дион Кассий, вызывает определенный интерес. В научной литературе этот эпизод не остался без внимания. Ф. Блюменталь сомневается, что Дион Кассий рассказывает об эпизоде, действительно имевшем место, и полагает, что скорее древний автор «изливает неопасным способом собственную злобу»². М. Рейнхолд полагает, что принимать это сообщение на веру не следует, так как «Дион... скептически относится к объяснению некоторых, будто Агриппа не пытался преследовать, потому что сражался ради выгоды другого, а не собственной и что Агриппа был убежден в неблагодарности обладающих властью». Далее Рейнхолд указывает, что такое объяснение поступка Агриппы не стоит принимать всерьез, поскольку оно «имеет все признаки школьного риторического упражнения»³. Более подробное объяснение у Рейнхолда отсутствует⁴. Судя по всему, аналогичного мнения о данном эпизоде придерживается и А. Гоуинг: на этом отрывке он не останавливается подробно, лишь ссылаясь на комментарий Рейнхолда к Диону Кассию⁵.

Данная точка зрения представляется излишне категоричной и недостаточно обоснованной. Следует отметить, что Рейнхолд не совсем верно излагает сомнения Диона Кассия. Древний автор действительно не верит в то, что Агриппа отказался от преследования, потому что сражался под командованием Октавиана⁶, но никакого сомнения в достоверности дальнейших рассуждений полководца не высказывает, скорее, наоборот. Что же касается утверждения о наличии в этом сообщении «всех признаков риторического школьного упражнения», то едва ли в отсутствие подробной аргументации это можно счесть достаточным основанием для того, чтобы полностью отвергать сведения источника.

Мнение других исследователей относительно этого эпизода менее категорично. В. Гардтхаузен делает на его основании вывод, что во время Сицилийской войны, когда судьбы Августа и Агриппы еще не были связаны неразрывно, последний мог руководствоваться своими личными задними мыслями и воздержаться от какого-то шага, который вызвал бы зависть властителя⁷. Несколько сомнительно,

ἔχει, αὐτοὶ δὲ ἑαυτῶν ποιοῦνται, τὰ δὲ δὴ χεῖρω καὶ ἀτοπώτερον ἄλλοις προστάττουσι. κἀν ἄρα ποτὲ τῶν ἀμεινόνων τι ἀναγκασθῶσι σφίσιν ἐπιτρέψαι, βαρύνονται τε καὶ ἄχθονται τῇ εὐδοξίᾳ αὐτῶν· ἠτᾶσθαι μὲν γὰρ σφας καὶ κακῶς πράττειν οὐκ εὐχονται, οὐ μέντοι καὶ παντελῶς τι καταπράξαντας τὴν δόξαν αὐτοῦ λαβεῖν αἰροῦνται. δεῖν οὖν παρήγει τὸν ἄνδρα τὸν σωθησόμενον τῆς μὲν δυσχερείας αὐτοῦ τῶν πραγμάτων ἀπαλλάττειν, τὴν δὲ δὴ κατόρθωσίν σφων ἐκείνοις φυλάττειν. ἐγὼ δὲ ὅτι μὲν ταῦθ' οὕτω πέφυκε καὶ ὅτι καὶ ὁ Ἀγρίππας ἐτεμελεῖτο αὐτῶν οἶδα, οὐ μὴν ἔν γε τῷ τότε παρόντι τοῦτ' αἴτιον τῆς οὐ διώξεως αὐτοῦ γράφω· οὐδὲ γὰρ οὐδ' εἰ πάνυ ἐβούλετο, οἷός τε ἦν ἐπιστέσθαι σφίσι.

² Blumenthal 1913, 287.

³ Reinhold 1933, 39, nt. 77.

⁴ Это же мнение автор высказывает и в более поздней работе (Reinhold 1988, 25–26), правда, на сей раз не упоминая о школьном упражнении, но высказывая предположение, что данный эпизод Дион Кассий мог почерпнуть из враждебных Октавиану источников, например, пропаганды сторонников Антония.

⁵ Gowing 1992, 196, nt. 43.

⁶ См. Millar 1964, 35, где данный эпизод не разбирается, а лишь отмечается, что, по мнению самого Диона Кассия, Агриппа отказался от преследования именно потому, что опасался мелей. Миллар приводит этот эпизод в качестве примера того, как Дион Кассий опровергает сведения своих источников соображениями здравого смысла.

⁷ Gardthausen 1891, I, 744; II, 415, Anm. 37.

что во время Сицилийской войны, когда Агриппа уже был известным соратником Октавиана, получил благодаря ему первое консульство и одержал несколько побед, их судьбы еще не были неразрывно связаны. Кроме того, как будет показано ниже, поведение Агриппы уже задолго до этой войны не соответствовало предполагаемым у него Гардтхаузенем мыслям. В целом можно отметить, что немецкий историк, по-видимому, склонен верить той версии, которую даже сам Дион Кассий считает неправдоподобной: в данном конкретном случае Агриппа не имел технической возможности преследовать неприятеля, и едва ли будущий принцепс был заинтересован в том, чтобы дать Сексту Помпею, незадолго до войны морившему голодом Италию, уйти или дать ему возможность вновь собраться с силами.

Ж.-М. Роддаз указывает, что с одной стороны, Дион Кассий, возможно, прочитавший автобиографию Агриппы, хорошо представлял себе ход мыслей полководца⁸, а с другой, что недавняя казнь Сальвидиена Руфа наводила современников на мысли об осторожности⁹. Однако несколько странным представляется комментарий исследователя о том, что Дион Кассий несомненно (*certainement*) «хорошо знаком с мыслями Агриппы», притом что нет явных доказательств того, что Дион Кассий вообще читал автобиографию полководца. Но даже если действительно читал, то как возможно узнать, насколько искренен был в мемуарах Агриппа? От этой автобиографии не сохранилось ни одного фрагмента, лишь два упоминания: в комментариях Сервия к «Энеиде» Вергилия о строительстве порта Юлия (*Ad Georg. II. 162*) и несколько сомнительное – у Плиния – о том, что после первой битвы при Филиппах Октавиан был болен водянкой (*NH. VII. 148*)¹⁰; едва ли на этом основании можно делать выводы, что эти мемуары могли дать кому-либо корректное представление о ходе мыслей Марка Агриппы. К тому же воспоминания Агриппы были опубликованы, и есть основания усомниться в том, что подобные рассуждения доверенного соратника, тем более высказанные столь открыто, могли понравиться Августу. Что же касается воздействия казни Сальвидиена Руфа на сторонников Октавиана, то едва ли справедливо предполагать, что соратники младшего Цезаря, не собиравшиеся переходить к Антонию, опасались судьбы, постигшей изменника¹¹. Никаких указаний на то, что Агриппа когда-либо предпринимал шаги для перехода на сторону Марка Антония или иных врагов Октавиана, в источниках не содержится.

В более ранней работе, мимоходом коснувшись рассматриваемого эпизода, я высказывала сомнения в его достоверности¹². Представляется, что данный пассаж заслуживает более подробного анализа и не все мои соображения были справедливы. В качестве доказательства недостоверности этого эпизода я указывала на общепризнанную в науке привычку Диона Кассия выражать собственные мысли

⁸ Roddaz 1984, 65, 125–126.

⁹ Roddaz 1984, 65, 125–126. При этом автор считает, что первая часть сообщения, где объясняются мотивы конкретного решения Агриппы, принятого при Милах, происходит из враждебной Октавиану пропаганды (Roddaz 1984, 76, 529). Аналогичного мнения придерживался и М.П. Чарльзуорт (Charlesworth 1933, 174–175).

¹⁰ *Plin. NH. VII. 148*: ... (*ut fateatur Agrippa ac Maecenas*). Глагол *fateor* не дает возможности понять, идет ли речь именно о мемуарах Агриппы. Плиний также упоминает, что Агриппа писал о своем эдилитете и приводил там точные цифры, но эти сведения также не дают информации о каких-либо политических соображениях полководца.

¹¹ Мнение о том, что казнь Сальвидиена Руфа побудила Марка Агриппу отказываться от триумфов, рассмотрено в статье: Таривердиева 2012, абз. 22.

¹² Таривердиева 2012, абз. 23.

устами других персонажей, ярким образцом чего служат речи Агриппы и Мецената о будущем государства¹³. Следует, однако, признать, что приписывание Дионом Кассием в одном эпизоде своих мыслей Агриппе никоим образом не доказывает ложность любых других слов Агриппы, приводимых в его «Истории»: каждый эпизод требует отдельного тщательного анализа. Второе возражение сводилось к тому, что неизвестно, откуда Дион Кассий мог узнать о том, что Агриппа говорил «близким товарищам». Однако хотя данный вопрос в отношении сведений источника и правомерен, все же одной его постановки недостаточно для их опровержения. Например, один из возможных адресатов этих слов (см. ниже), Мессала Корвин, оставил воспоминания о гражданских войнах (Plut. Brut. 40; 45; 53), в которых вполне мог об этом сообщить. Остальные высказанные мной возражения против достоверности слов Агриппы об имеющих власть будут рассмотрены ниже.

Таким образом, аргументы сторонников версии о том, что устами Агриппы Дион Кассий высказывает собственное мнение, представляются недостаточно убедительными для опровержения сведений источника. Но и противоположная точка зрения, высказанная Ж.-М. Роддазом, порождает вопросы, на которые нет ответа. Следовательно, данное высказывание нуждается в более тщательном рассмотрении.

Для того чтобы понять, может ли эта фраза отражать искреннее мнение Агриппы, следует проанализировать, придерживался ли сам полководец собственного совета, старался ли брать на себя самые трудные дела «обладающего властью» Октавиана и оставлял ли тому всю свою славу. Рассмотрим в этом свете основные вехи деятельности Агриппы.

В 40 г.¹⁴ в возрасте 23 лет Агриппа занял должность городского претора. В начале года он вместе с Октавианом участвовал в Перузийской войне¹⁵, в июле провел в Риме Аполлоновы игры, затем организовывал оборону против Секста Помпея и отбил у Марка Антония Сипонт. После взятия Сипонта Агриппа обратился против Секста Помпея и оттеснил его из Фурий и Консенции (App. BC. V. 58; Dio Cass. XLVIII. 20; 28). Возможно, в этом же году будущий соправитель Августа провел в Рим акведуки Юлия (Dio Cass. XLVIII. 32. 3)¹⁶. Сам Октавиан в этом году занимался примерно тем же: взял Перузию, пресек волнения в Кампании, в Риме пытался наладить отношения с Секстом Помпеем и Марком Антонием. В том же году между триумвирами был заключен Брундизийский мир (Vell. II. 74–75; App. BC. V. 39–49, 53–65; Dio Cass. XLVIII. 15–16; 28–29). Таким образом, в это время Агриппа и Октавиан были заняты общим делом – Перузийской войной и обороной Италии от Секста Помпея.

В конце 40 г.¹⁷ Агриппа отправляется наместником в Галлию на смену Сальвидиену Руфу. Там полководец одержал победу над аквитанами (App. BC. V. 92) и совершил переход через Рейн (Dio Cass. XLVIII. 49. 3)¹⁸. В это же время Октави-

¹³ Подробный разбор мнений по этой проблеме см. Марков 2007, 92–125.

¹⁴ Все даты в настоящей статье – до нашей эры, если не указано иное.

¹⁵ См. Broughton 1952, 375, со ссылками на источники.

¹⁶ Относительно даты строительства акведука Юлия существуют разногласия как в источниках, так и в научной литературе. Ср. *Frontin. Aquaed.* 9; Shipley 2008, 26–28; Roddaz 1984, 149, nt. 59.

¹⁷ Подробный разбор даты начала галльского наместничества М. Агриппы см. Таривердиева 2012, абз. 4–14.

¹⁸ О событиях первого наместничества Агриппы в Галлии подробное см. Таривердиева 2012, абз. 17–18; 31–37.

ан столкнулся с ненавистью народа из-за голода в Риме, участвовал в сложных переговорах, приведших к включению Секста Помпея в триумvirат, а в 38 г. вел с последним тяжелую войну. Едва ли возможно отыскать общие критерии, чтобы сравнить деятельность Октавиана и Агриппы в это время, слишком с разными трудностями они столкнулись, однако уверенно можно утверждать, что Октавиан занимался не теми делами, которые сулят легкий успех. И нагляднее всего это демонстрируют его собственные поражения, тяжелые настолько, что пришлось срочно вызывать Агриппу из Галлии и просить у Марка Антония флот взамен погибшего (App. BC. V. 95). Почетной и славной эту войну тоже назвать сложно: с одной стороны, против Октавиана сражался Секст Помпей, сын Помпея Магна, который все еще пользовался расположением римлян (App. BC. V. 99), с другой – в войске Помпея было слишком много вольноотпущенников и рабов, а победы над таким противником римляне не считали честью, достойной полноценного триумфа (Gell. V. 6. 20–23)¹⁹. Но главное – Октавиан в этой войне вновь сражается против собственных сограждан. Гражданская война не сулила победителю ни почета, ни славы, ни уважения.

В этот период делом, пусть не легким, зато сулящим славу занимался скорее Агриппа. Он стал вторым из римлян, пересекшим Рейн, одержал победу над аквитанами и за нее, по предложению Октавиана, сенат даже удостоил его триумфа, который полководец, однако, праздновать отказался²⁰. 1 января 37 г. Агриппа занял должность консула (Dio Cass. XLVIII ind. 49. 4). Однако в этом году Агриппа вместе с Октавианом преимущественно занимались подготовкой к войне с Секстом Помпеем (Strab. V. 4. 5; Vell. II. 79. 1; Dio Cass. XLVIII. 49. 2–4; 50. 3; 51. 5). Позднее Октавиан передал командование флотом от Кальвизия Сабина Агриппе (App. BC. V. 96). В 36 г. в должности префекта флота²¹ Агриппа вместе с Октавианом вел войну с Секстом Помпеем и одержал две свои знаменитые победы – при Милах и при Навлохе. 13 ноября 36 г. Октавиан отпраздновал пеший триумф (ovatio) за победу над Секстом Помпеем. Агриппа участвовал в овации и получил золотой венок с корабельными носами – почесть, которой до него не удостоивался никто (Dio Cass. XLIX. 14. 3).

В этот период Агриппа и Октавиан вновь занимались общим делом. Не было разделения задач на «сулящие легкий успех» и «сложные и неудобные». Подготовка к войне велась совместными усилиями, сама война была общей, победа тоже. Формальным триумфатором в полном соответствии со всеми римскими традициями стал Октавиан, поскольку именно он обладал полномочиями и Агриппа воевал под его ауспигиями. Однако неверно утверждать, что в этом случае Агриппа сделал всю работу, а вся слава досталась будущему принцепсу. Октавиан принимал участие в подготовке к войне, организовал получение столь необходимых судов от Марка Антония и осуществлял общее руководство кампанией.

В 33 г. Агриппа занял должность эдила и развернул широкую программу по благоустройству Рима: очистил клоаку, отремонтировал улицы, обветшавшие строения и акведуки, а также построил новые водопроводы и здания, украсил город сотнями фонтанов, устроил роскошные игры и бесплатные раздачи, изгнал из Рима астрологов и гадалей, обеспечил всем жителям города бесплатное посещение терм

¹⁹ Подробнее см. Beard 2007, 53, 63.

²⁰ О причинах отказа Агриппы от триумфа подробнее см. Таривердиева 2012, абз. 20–30.

²¹ Подробнее см. Roddaz 1984, 94–95.

в течение года (Strabo. V. 3. 8; Plin. NH. XXXVI. 104; 121; Suet. Aug. 42; Frontin. Aquaed. I. 9–10; 98–99; Dio Cass. XLIX. 43). Октавиан в этом году вел кампанию в Иллирии (App. Illug. 28). И вновь сложно определить, чья задача была труднее и сулила большую славу. Конечно, мероприятия Агриппы были направлены на то, чтобы привлечь общественное мнение в Риме на сторону Октавиана, однако едва ли сам эдил не получил никакой славы за свою работу.

В 32–31 гг. Агриппа с Октавианом готовились к войне против Марка Антония и Клеопатры. Весной 31 г. Агриппа отправился в Грецию, перерезал пути снабжения Марка Антония и захватил ряд важных стратегических пунктов (Oros. VI. 19. 6; Dio Cass. L. 11). Октавиан тогда же собрал в Брундизии сухопутную армию, а также множество сенаторов и всадников (Dio Cass. L. 11. 5), а затем прибыл в Амбракийский залив. Примерно в конце августа Агриппа присоединился к Октавиану у мыса Акции. Далее имеется прямое свидетельство о том, что Агриппа и Октавиан вместе принимали решение об Актийском сражении: Октавиан хотел позволить Антонию и Клеопатре уйти в надежде, что после их бегства он легко убедит оставшиеся силы перейти на свою сторону, но Агриппа настоял на сражении (Dio Cass. L. 31. 1–2).

Спустя некоторое время после победы при Акции Октавиану пришлось отправить Агриппу в Рим в помощь Меценату из-за растущего недовольства ветеранов. Примечательно, что не занимая никаких официальных должностей Агриппа и Меценат действовали от имени Октавиана, имели право вскрывать и даже изменять по своему усмотрению его письма сенату, могли и писать любые письма от имени приемного сына Цезаря и пользоваться его перстнем-печаткой (Dio Cass. LI. 3. 5–6). Здесь очевидно некоторое «раздвоение»: номинально все распоряжения отдавались от имени Октавиана, поскольку именно он обладал соответствующими полномочиями, но фактически, причем это нисколько не скрывалось, государством одновременно правили трое – будущий император Август, Меценат и Агриппа. Едва ли в этом случае можно говорить о славе или почете кого-то из этих троих в отдельности, но любопытно, что Октавиан отдал друзьям в руки не просто власть, но и собственную репутацию.

В 28 г. Агриппа стал консулом во второй раз вместе с Августом (Dio Cass. LIII. ind.). В этом году они устроили игры в честь победы при Акции (LIII. 1. 4) и провели ценз (RGDA. 8). В том же году Агриппа женился вторым браком на племяннице Августа Марцелле Старшей (Dio Cass. LIII. 1. 2), разделив тем самым с Августом уже не только должности, дела и положение в государстве, но и семью. В 27 г. Агриппа вновь становится коллегой Августа по консульству (LIII. ind.).

В период с 26 по 23 г. Август находился на войне в Испании, а Агриппа – в Риме. Примечательно, что авторитета Агриппы хватало для замещения Августа в городе, притом что формальными полномочиями Агриппа в это время не обладал. Когда в 25 г. сгорел дом на Палатине, который Марк Агриппа делил с Мессалой Корвином с 29 г., Август пригласил друга жить в собственном доме (Dio Cass. LIII. 27. 5). Поскольку едва ли у ближайшего соратника принцепса, за свой счет отстраивавшего Рим, были финансовые трудности, не позволявшие ему приобрести отдельное жилье, этот переезд, очевидно, имел символическое значение, хотя можно предполагать, что и дружеские чувства сыграли в этом приглашении некоторую роль.

В 23 г. Август тяжело заболел и во время болезни передал государственные документы консулу Пизону, а перстень-печатку – Агриппе (Dio Cass. LIII. 30–32). Учитывая предыдущий опыт, когда после победы над Марком Антонием Агриппа, не обладая формальными полномочиями, выступал как представитель Октавиана

и имел самые широкие возможности, можно предположить, что передача перстня-печатки в этом случае означала, что своим преемником Август желает видеть именно Марка Агриппу²².

Позднее в том же 23 г. Агриппа уезжает на Восток, наделенный широкими полномочиями²³. Сам Август в это время занимался Римом и западными территориями. В 21 г. в Риме произошли беспорядки из-за консульских выборов, поэтому Август, который тогда находился на Сицилии, срочно вызвал с Востока Агриппу, поручил ему управление Римом и западными провинциями, а сам решил отправиться на Восток (Dio Cass. LIV. 6. 5). В это же время Агриппа развелся с племянницей принцепса Марцеллой и женился на его единственной дочери – Юлии (Dio Cass. LIV. 6. 5; Suet. Aug. 63. 1). Любопытна своеобразная «передача эстафеты», происходившая в этот период между Августом и Агриппой: если один находится в западных провинциях и Риме, то другой в это же время – на Востоке, и наоборот. Такой «взаимобмен» дает основания предполагать, что полномочия Агриппы были достаточно обширны, чтобы он мог заменить Августа. Именно поэтому можно было условно разделить империю на две части, и пока Август находился в одной, Агриппа отвечал за другую. Если бы полномочия Агриппы в этот период не давали ему возможности заменить Августа в том числе и в решении каких-то проблем (которые трудно предугадать заранее и предоставить наместнику соответствующие полномочия), то в таком «обмене» нет никакого смысла. А если учесть, что Агриппа принимал самые разные решения – от изгнания египетских жрецов из Рима до войны в Испании, то, вероятно, он обладал необходимыми для этого полномочиями. Любопытен и другой момент. Скорее всего, полномочия Агриппы не позволяли ему ветоировать решения Августа, по крайней мере подобные примеры неизвестны. Однако случаи обратного, когда Август ветоировал решения Агриппы, также неизвестны. Конечно, едва ли это дает основания предполагать полное равенство их полномочий, но подчеркивает согласие Августа и его друга в государственных делах²⁴.

Следующий любопытный эпизод относится к 18 г., когда после победы над кантабрами Агриппа вернулся в Рим. Вновь по просьбе Августа сенат предоставил Агриппе триумф, и вновь полководец отказался его праздновать (Dio Cass. LIV. 11. 6). Видимо, в этом же году империй Агриппы был продлен еще на пять лет и, вероятно, распространен на всю Римскую империю. В том же году трехкратный консул получил трибунскую власть, являвшуюся одной из основ положения Августа²⁵. На основании этих полномочий совместно с Августом он провел в этом году Столетние игры и пересмотр списков сената (Dio Cass. LIV. 12–14; RGDA 22; CIL. VI. 32326, 165).

С 17 по 14 г. Агриппа занимался текущими делами на Востоке, в то время как Август занимался тем же самым в Риме, а потом и в западных провинциях (Dio

²² Кризис 23 г. вызвал множество разногласий как в источниках, так и в научных работах. До сих пор нет единого мнения о том, что именно тогда произошло, каковы были планы Августа, и что означала передача перстня Агриппе. Подробнее об этом эпизоде см. Таривердиева 2013, 158–177.

²³ Подробнее о положении Агриппы в этот период см. Roddaz 1984, 339–351.

²⁴ Известный случай, когда Агриппа намеревался поставить внутри Пантеона статую Августа, но принцепс отказался (Dio Cass. LIII. 27. 3), не может служить здесь опровержением, поскольку в этом эпизоде речь явно идет о частном обсуждении ситуации, а не об официальном вето. Аналогичный эпизод произошел перед битвой при Акци (см. выше), только в том случае уже Агриппа не согласился с Октавианом и переубедил его.

²⁵ См., например, Syme 1939, 337, 389; Crook 1996, 86–87, 92; Kienast 2009, 107, 114.

Cass. LIV. 19–25). В 14 г. Агриппа вновь был удостоен триумфа за подавление мятежа племен Боспора Киммерийского. И вновь полководец не стал его праздновать. Более того, на этот раз Агриппа даже не направил в сенат официальное уведомление о победе (Dio Cass. LIV. 24. 7).

В 13 г. Марк Агриппа вернулся в Рим, где все его полномочия были продлены еще на пять лет (Dio Cass. LIV. 28–29). В конце этого года он направился в Паннонию, где назревало восстание, однако паннонцы, узнав о предстоящем прибытии Агриппы, сложили оружие. На обратном пути полководец заболел в Италии и в начале 12 г. скончался (Dio Cass. LIV. 28. 3).

Из краткого рассмотрения деятельности Марка Агриппы очевидно, что собственного совета полководец не придерживался. Дела у них с Октавианом чаще всего были или общие или примерно равные по уровню сложности. В тени Агриппа тоже явно не держался: он писал мемуары, в которых рассказывал о своих достижениях, построенные термы на Марсовом поле назвал собственным именем, трижды занимал консульскую должность, был правой рукой Августа, а в конце жизни стал его фактическим соправителем²⁶. При этом сведений о каком-либо недовольстве принцепса относительно успехов и славы своего друга в источниках не содержится.

Представляется, что взаимоотношения Августа и Агриппы больше соответствуют двум другим высказываниям, чем словам, которые пересказывает Дион Кассий.

Цицерон в речи в защиту Росция Америкского, утверждает: «Ведь мы не можем сами вести все дела; один может принести больше пользы в одном деле, другой – в другом. Поэтому мы и вступаем в дружеские отношения, чтобы взаимными услугами действовать ради общей выгоды» (пер. В.О. Горенштейна)²⁷. Именно такая общность в делах прослеживается во взаимоотношениях Августа и Агриппы с первых же упоминаний о них в источниках – совместного обучения в Аполлонии (Nic. Dam. FGrHist 127 F 16; Dio Cass. XLV. 3. 1) – и до последних лет жизни Агриппы – соправления (Dio Cass. LIV. 28. 1).

Сенека в трактате «О благодетелях» пишет: «Ведь у меня с другом все общее не в том смысле, как бывает общее с союзником, причем одна часть принадлежит мне, а другая – ему, но в том смысле, как у отца с матерью бывают общие дети. Хотя их и бывает у них двое, но каждому из них принадлежит не одно дитя, а оба...» (пер. П. Краснова)²⁸. Следует заметить, что к Августу и Агриппе это относится в полной мере, поскольку они делили не только государственные дела, полномочия и должности, войны, победы и поражения, но Агриппа был и членом семьи Августа, женившись сначала на его племяннице, а затем и на дочери, а также жил с 25 г. в его доме по предложению самого принцепса.

В источниках, к сожалению, нет никаких высказываний Агриппы или Августа на эту тему, так что определить их личное (хотя бы официально заявленное) отношение к общности у друзей всего, и дел в том числе, не представляется возмож-

²⁶ См., например, Freudenburg 2014, 106. Также см. Fullerton 1985, 473–483 об изображениях на монетах, подтверждающих политическое партнерство и совместное правление Августа и Агриппы.

²⁷ *Cic. Rosc. Amer.* 111: Non enim possumus omnia per nos agere; alius in alia est re magis utilis. Idcirco amicitiae comparantur ut commune commodum mutuis officiis gubernetur.

²⁸ *Sen. De benef.* 7. 12: Non enim mihi sic cum amico communia omnia sunt, quomodo cum socio, ut pars mea sit, pars illius, sed quomodo patri matrique communes liberi sunt, quibus cum duo sunt, non singuli singulos habent, sed singuli binos.

ным. Однако, скорее всего, сходные по сути слова Цицерона, их старшего современника, и Сенеки, жившего на несколько десятилетий позже, где авторы говорят от лица некой группы, отражают отношение к этому вопросу римского общества в целом²⁹.

Итак, как свидетельствует деятельность Марка Агриппы, сам он своему совету не следовал. Вероятно, именно такое положение дел дало отдельным исследователям повод усомниться в достоверности рассказа Диона Кассия об этом совете и усмотреть в нем отголоски вражеской пропаганды, риторическое упражнение или собственные мысли древнего историка, вложенные в уста Агриппы. Однако, как говорилось выше, эти предположения не были в достаточной мере подкреплены доказательствами и аргументированы. В связи с этим представляется важным более внимательно отнестись к данному эпизоду. Если предположить, что Дион Кассий пишет правду и Агриппа действительно давал такой совет близким соратникам, то возникает закономерный вопрос: почему полководец говорил одно, а делал совсем другое? Этот вопрос действительно требует ответа. Но вместо того чтобы сразу отбрасывать сведения источника об этом высказывании Агриппы как недостоверные, следует убедиться, что нет никакой возможности объяснить этот совет Агриппы в рамках той линии поведения, которой придерживался сам полководец.

Для начала обратимся к адресатам Агриппы. По словам Диона Кассия он говорил это πάνυ ἑταίρους. Любопытно, что историк использует здесь именно слово ἑταίρους, тогда как отношения Августа и Агриппы он характеризует как φιλία (Dio Cass. LIV. 29. 1). Слово ἑταίρος в древнегреческом означает товарища, соратника, сторонника, приятеля, но не личного друга. Друга личного означает как раз слово φίλος³⁰. Таким образом, Дион Кассий в этой фразе подчеркивает, что совет этот Агриппа давал своим соратникам, товарищам по делу, которые, однако, не были ему личными друзьями в отличие от Августа. Теперь обратимся к самим πάνυ ἑταίροι Агриппы.

Интересное исследование на эту тему провел Ж.-М. Роддаз³¹. Историк предполагает следующих более или менее знатных людей в числе соратников или приятелей полководца: Марк Валерий Мессала Корвин, Гай Цестий, Марк Валерий Мессала Потит, Секст Аппулей, Квинтилий Вар, Марк Виниций, Гай Марций Цензорин, «семья Юниев Силанов», Марк Лоллий, Квинт Эмилий Лепид (Барбула), Публий Силий Нерва (консул 20 г.), Луций Кальпурний Пизон (консул 15 г.), Публий Сульпиций Квириний (консул 12 г.), Луций Тарий Руф, Павел Фабий Максим. Отдельно французский исследователь останавливается на взаимоотношениях Агриппы и Тиберия, доказывая, что они были дружескими, однако в рамках данного исследования будущий преемник Августа не представляет особого интереса. Едва ли можно себе представить, что в таком эпизоде именно Тиберия, будущего императора, Дион Кассий включил в число безликих πάνυ ἑταίροι Агриппы.

²⁹ Konstan 1997, 127–130.

³⁰ Дворецкий 1958, 676, 1733; Liddel–Scott 1996, 700, 1939. Следует отметить, что в книгах, посвященных Августу, Дион Кассий нигде не обозначает их взаимоотношения с Агриппой словом ἑταίρος. Только в 56-й книге (38. 3), когда историк пересказывает речь Тиберия на похоронах Августа и его рассуждения о том, что Август не позволял своим соратникам излишних вольностей, он включает Агриппу и Мecenата в широкий круг ἑταίροι правителя. Однако в данном случае Тиберия не интересуют личные взаимоотношения Августа с этими людьми, он описывает поведение принцепса с любимыми его соратниками, независимо от степени их близости.

³¹ Roddaz 1984, 541–548.

Настоящее исследование не позволяет подробно остановиться на личности каждого из предполагаемых Роддазом знатных соратников полководца, поэтому очень кратко рассмотрим лишь тех из них, к кому теоретически мог быть обращен совет Агриппы, т.е. тех, кто благодаря происхождению, семейным традициям, воспитанию, собственным взглядам мог рассчитывать на большие почести и не был безусловно лоялен новому режиму. Иначе говоря, тех, у кого в ближайшей семейной истории или собственной биографии прослеживаются симпатии к республиканским порядкам.

Марк Валерий Мессала Корвин прежде, чем перейти на сторону Октавиана, был легатом у Брута (Cic. Ad Brut. I. 12; 15), потом попал в проскрипционные списки. По просьбам родственников триумвиры исключили его из них, но Мессала остался в армии республиканцев (App. BC. IV. 38). После разгрома Брута и Кассия при Филиппах он бежал, затем присоединился к Марку Антонию³². Мессала был близким другом Кассия, одного из убийц Цезаря, и уже после окончания гражданских войн продолжал открыто называть его своим полководцем (Tac. Ann. IV. 34. 4). Вероятно, из-за сближения Антония с Клеопатрой он принял решение перейти на сторону Октавиана и в Сицилийской войне уже воевал вместе с ним (App. BC. IV. 38; V. 102)³³. После этого Мессала участвовал в войнах Октавиана против иллирийцев и Марка Антония, управлял Сирией и Аквитанией и в 27 г. отпраздновал триумф³⁴. Примерно четыре года Мессала делил с Агриппой бывший дом Марка Антония на Палатине (Dio Cass. LIII. 27. 5). Однако можно отметить и один инцидент, произошедший уже в 26 г.: по предложению Августа Мессала принял только что созданный пост префекта города, но через несколько дней отказался от него, будто бы потому что не понимал, что должен делать (*quasi nescius exercendi* – Tac. Ann. VI. 11), но в действительности, видимо, потому, что считал такую должность в государстве неуместной (*incivile messe potestatem contestans* – Hieron. Chr. 188. 3). По-видимому, этот поступок Мессалы свидетельствует о том, что он не стремился открыто поставить свое имя и репутацию на службу режиму Августа и желал продемонстрировать независимость³⁵.

О Гае Цестии не известно почти ничего. О связи с Агриппой свидетельствует лишь надпись на пирамиде Цестия, где полководец назван одним из наследников (CIL. VI. 1375). Друг Августа, однако, от наследства отказался в пользу брата умершего. Роддаз высказал предположение, что отношения Агриппы и Гая Цестия могут восходить к эпохе проскрипций, поскольку среди Цестиев был проскрибированный. Французский историк предполагает, что Агриппа мог в свое время за него вступить.

Публий Квинтилий Вар, потерпевший знаменитое поражение в Тевтобургском лесу, приходился Агриппе зятем – он был женат на одной из его дочерей³⁶, занимал консульскую должность одновременно с Тиберием в 13 г., в этом же году устроил игры в честь возвращения Августа из Галлии (Dio Cass. LIV ind.; 25. 1). Основная часть карьеры Вара приходится уже на период после смерти соправителя Августа,

³² *Vell.* II. 71. 1, где ошибочно утверждается, что Мессала уже тогда присоединился к Октавиану; *Plut.* Brut. 40–42; 53.1; *App.* BC. IV. 38.

³³ О переходе Мессалы от республиканцев к Антонию и затем к Октавиану подробнее см. Syme 1986, 201–202, 205–209 (Р. Сайм допускает, что Корвин сохранял лояльность Антонию до 33 г.).

³⁴ Подробнее см. Syme 1986, 202–205, 210–211.

³⁵ Syme 1986, 212.

³⁶ Reinhold, 1972, 119–121.

и поэтому, поскольку Квинтилий рассматривается как один из возможных адресатов совета Агриппы, подробно останавливаться на ней нет смысла. Любопытно при этом, что отец Публия Квинтилия Секст Квинтилий Вар последовательно находился во враждебном Августу окружении. В гражданской войне Цезаря и Помпея он воевал на стороне помпеянцев, попал в плен при взятии Корфиния, но Цезарь отпустил его (Caes. BC. I. 23). Затем Секст Вар отправился в Африку, пытался там переманить у Куриона войско, возможно, повторно побывал в плену (Cic. Phil. XIII. 30). В 42 г. он сражался при Филиппах на стороне Брута и Кассия, после поражения приказал вольноотпущеннику себя убить (Vell. II. 71. 2).

«Семья Силанов», о которой пишет Роддаз, имела очень тесные родственные и идеологические связи с противниками Октавиана: Сервилия, мать Брута, вторым браком была замужем за Децимом Силаном; одна из их дочерей вышла замуж за Гая Кассия, другая – за Марка Лепида³⁷. Их родственник Марк Силан в 43 г. служил под командованием Лепида и, согласно его тайному указанию, принимал участие в битве под Мутиной на стороне Антония (Cic. Fam. X. 30; 34; Dio Cass. XLVI. 38; 50–51). Позднее он бежал на Сицилию к Сексту Помпею (Vell. II. 77. 3), а после Мизенского мира стал сторонником Антония и лишь в 31 г. из-за разногласий с Клеопатрой и ее окружением перешел к Октавиану (Plut. Ant. 59. 6)³⁸. Роддаз предполагает тесное сотрудничество Агриппы с этой семьей на основании эпизода, рассказанного Иосифом Флавием (Ant. Iud. XVI. 6. 4). Автор приводит текст одного из постановлений Агриппы, в конце которого полководец пишет, что послал претору Силану письменный приказ о запрете вызывать иудеев на суд в субботние дни. Несколько сомнительно, что данное письмо свидетельствует о каких-то приятельских отношениях Агриппы с Силаном, но, поскольку есть прямое указание источника на их сотрудничество хотя бы в одном лишь этом вопросе, Силана тоже можно предполагать в качестве адресата рассматриваемых слов Агриппы.

Далее Роддаз упоминает обоих консулов 21 г. – Марка Лоллия и Квинта Эмилия Лепида (Барбулу). Аппиан (BC. IV. 49) рассказывает, что Марк Лоллий был включен триумвирами в проскрипционные списки, а Барбула через Агриппу упрямил Октавиана исключить его. Позднее, когда спасенный Лоллий воевал на стороне Октавиана против Антония, ему представилась возможность отплатить Барбуле взаимностью. Последний сражался при Акции на стороне Антония, попал в плен, и Лоллий затем добился для него милости от младшего Цезаря³⁹.

Что же касается нескольких последних персонажей, то нет даже косвенных признаков их нелояльности режиму или каких-либо республиканских традиций в семье, но совет Агриппы мог быть обращен и к ним, поскольку они в разное время занимали должность наместника одной из провинций, подчиненных империи полководца⁴⁰: Публий Силий Нерва, императорский легат в Ближней Испании во время кантабрийской войны (Vell. II. 90. 4; CIL. II. 3414), Луций Кальпурний Пизон, легат Галатии–Памфилии в 14 г. (Dio Cass. LIV. 34. 6). Луций Тарий Руф был легатом пропреторского ранга в Македонии в 17–16 гг. и, возможно, одержал там победу над вторгшимися сарматами⁴¹. Если Нерва, Пизон и Тарий не могли

³⁷ Münzer 1999, 318–325.

³⁸ Syme 1986, 190.

³⁹ Подробнее об этом свидетельстве Аппиана и идентификации упомянутых в нем лиц см. Hinard 1985, 487–488.

⁴⁰ Roddaz 1984, 548.

⁴¹ ILGR. 230; Dio Cass. LIV. 20. 3; ср. Syme 1934, 127 (о предполагаемой победе, со ссылками на предшествующую литературу); 1939, 391, nt. 1 (о его должности); 1986, 223, 321, 333, 393.

претендовать на триумф по формальным основаниям, то Публий Сульпиций Квирий, который в 15 г. был проконсулом Крита и Кирены (Flor. II. 31), мог, однако не решился. В этом же отрывке Флор сообщает любопытную деталь, перекликающуюся с рассматриваемым советом Агриппы быть скромнее в успехах: «Покорение мрамаридов и гарамантов поручил (Август. – С.Т.) Квирий. Он мог бы получить титул Мрамарийский, но оказался более скромным в оценке победы»⁴² (курсив мой. – С.Т.).

Таким образом, очевидно, что в окружении Марка Агриппы было немало людей, от которых по разным причинам можно было ожидать болезненной реакции на ущемление собственного честолюбия ради укрепления нового режима.

Дион Кассий не уточняет, в какое именно время Агриппа говорил это своим «соратникам», но слова εἰώθει λέγειν указывают на то, что полководец говорил это неоднократно и в течение длительного промежутка времени. Теперь, чтобы понять, какова могла быть мотивация полководца дать совет, которому сам он не следовал, следует вспомнить о двух важных эпизодах: судьбе Корнелия Галла и последовательном отказе Агриппы от неоднократно предлагавшихся ему триумфов.

Эпизод с Корнелием Галлом подробно освещен в научной литературе, и до сих пор ведутся споры, действительно ли наместник Египта провинился перед Августом или нет⁴³. Однако для настоящего исследования ответ на этот вопрос не имеет значения, в данном случае важно лишь то, что сам Август расценил чрезмерное самопрославление Корнелия Галла в Египте как враждебные действия и ответил ему взаимностью, отозвав наместника из Египта и запретив ему появляться в императорских провинциях (Dio Cass. LIII. 23. 5).

Теперь обратимся к последовательным отказам Агриппы от триумфов. Первый триумф полководцу был предоставлен по просьбе Октавиана в 38 г. за победу над аквитанами в Галлии, и в данном случае причиной отказа Марка Агриппы можно действительно считать ту, о которой прямо пишет Дион Кассий: «И тот (бывший консулом вместе с Луцием Галлом), действительно не праздновал победу, считая позорным кичиться, когда Цезарь потерпел неудачу»⁴⁴.

Со вторым и третьим отказами все несколько сложнее. Дион Кассий пишет, что второй триумф был предоставлен Агриппе вновь по просьбе Августа, теперь за победу над кантабрами (LIV. 11. 6). В отличие от предыдущего случая, когда причина отказа полководца названа прямо, здесь историк ограничивается общими словами о скромности Агриппы. О третьем триумфе, предоставленном полководцу за подавление мятежа племен Боспора Киммерийского, Дион Кассий пишет, что Агриппа даже не потрудился направить в сенат донесение о происшедшем (LIV. 24. 7). Если так, следовательно, триумф вновь был предоставлен при некотором содействии Августа, который наверняка получил от Агриппы донесение. О причинах такого поведения Агриппы на сей раз античный автор не сообщает ничего.

Гипотеза о природной скромности полководца, своим именем назвавшего роскошные термы на Марсовом поле или принимавшего почести, которых не удостоивался прежде ни один римлянин, по меньшей мере, спорна. Следует также заметить, что предполагаемая скромность Агриппы совершенно не мешала ему трижды занимать должность консула, получать высший империй и становиться со-

⁴² Flor. II. 31: Marmaridas atque Garamantas Quirinio subigendos dedit. Potuit et ille redire Marmaricus, sed modestior in aestimanda victoria fuit.

⁴³ См., например, Парфенов 2001, 56–59, с литературой.

⁴⁴ Dio Cass. XLVIII. 49. 4: ὃς (ὑπάτερε δὲ μετὰ Λουκίου Γάλλου) τὰ μὲν ἐπινίκια οὐκ ἔτεμψεν, αἰσχρὸν εἶναι νομίσας τοῦ Καίσαρος κακῶς πεπραγότος γαυρωθῆναι. О причинах отказа Агриппы от этого триумфа подробнее см. Таривердиева 2012, абз. 20–30.

правителем Августа. Также следует обратить внимание на то, как в римском обществе относились к отказам от триумфов. Этим вопросом занималась М. Берд⁴⁵. Она показала, что в целом стремление к празднованию триумфов в римском обществе поощрялось и считалось нормальным. При этом отказ от триумфа рассматривался как странное, необычное поведение, но в зависимости от обстоятельств оно могло вызывать различную реакцию. Так, Ливий восхищается решением М. Фабия Вибулана, отказавшегося в 480 г. от триумфа из-за гибели в бою его брата и коллеги по консульству (Liv. II. 47. 9–11). Плутарх передает положительную оценку действий Мария, который отказался от триумфа за победу при Аквах Секстиевых и отправился на помощь коллеге Катулу, потерпевшему поражение (Plut. Mar. 24.1); после победы при Верцеллах Марий отпраздновал совместный с Катулом триумф, хотя многие считали, что он имел право на два (ibid. 27). Нейтрально оценивается решение Цезаря не добиваться заслуженного триумфа в 60 г., так как в силу формальностей это помешало бы ему получить консульство на следующий год (Suet. Iul. 18. 2; Plut. Caes. 13). Как проявление высокомерия охарактеризован отказ от триумфа некоего Гн. Фульвия Флакка по неясной причине (Val. Max. II. 8. 3) и отказ Л. Пизона, консула 58 г., от соискания триумфа со ссылкой на эпикурейские убеждения (Cic. Pis. 37–38; 44; 53–64). Разумеется, во всех случаях оценка сильно зависит от политических целей и позиций того, кто ее дает; однако стоит отметить, что наибольшее понимание встречает отказ от триумфа как знак уважения к коллеге. Следует отдельно заметить, что ни в одном случае скромность триумфатора не фигурирует в качестве причины отказа от празднования триумфа. Но даже если предположить, что Дион Кассий прав и Агриппа отказался из скромности, возникает вопрос: неужели Август настолько плохо знал своего ближайшего соратника и друга детства, что оставался в неведении относительно этого его качества? И даже если так, то по какой причине в 14 г. Август повторяет ошибку? Зачем вновь предоставляется триумф человеку, который последовательно отказывается его праздновать? И почему Август и Агриппа, у которых в остальных делах царит согласие (см. выше), именно в этом случае никак не могут ни до чего договориться? Представляется, что ответ на эти вопросы дает сам же Дион Кассий: «И из-за этого никому другому из равных ему самому, по крайней мере, как я полагаю, не разрешали этого делать, но только лишь получать триумфальные отличия»⁴⁶.

Следствием поведения Агриппы стало то, что после него никто уже больше не праздновал триумфы, все почести сконцентрировались в руках императора и его семьи. Вряд ли можно счесть простой случайностью, что именно после последнего отказа Агриппы триумфов полководцев, не принадлежавших к императорской семье, больше не было. В таком случае легко объясняется кажущаяся несогласованность действий Агриппы и Августа: император и его ближайший соратник «играли в четыре руки», чтобы, с одной стороны, добиться сосредоточения всех почестей в руках Августа, а с другой – не дать повода заподозрить императора в стремлении к тирании. Метод, избранный Агриппой и Августом, отвечал обоим условиям: при полной внешней добровольности отказов Агриппы и внешнем же стремлении Августа эти триумфы ему обеспечить, император и его друг создали такое положение, при котором не прозвучало никаких приказов или запретов, но все поняли: отныне триумфы – это привилегия императора⁴⁷.

⁴⁵ Beard 2007, 214–218.

⁴⁶ *Dio Cass.* LIV. 24. 8: καὶ διὰ τοῦτο οὐδ' ἄλλω τινὶ ἔτι τῶν ὁμοίων αὐτῷ, ὡς γε καὶ ἐγὼ κρίνω, ποιῆσαι τοῦτο ἐδόθη, ἀλλὰ μόναις ταῖς ἐπινομίαις τιμαῖς ἐγαυροῦντο.

⁴⁷ Reinhold 1933, 93; Eck 1984, 138–139; Hickson 1991, 124–138. Также см. Wardle 1994, 58–64, со ссылками на предыдущие исследования по этому вопросу. Уордл, возражая Хик-

Вернемся к рассматриваемому эпизоду. Излагаемый Дионом Кассием совет Агриппы содержит тот же посыл, что и его отказ от триумфов, сформулированный в более общем виде: необходимо умерить честолюбие и оставить почести императору. С учетом всего вышеизложенного представляется, что Агриппа действительно мог давать своим «соратникам» такой совет с той же целью: предотвратить появление новых «Корнелиев Галлов» и мягко предупредить нобилей, что времена изменились и теперь необходимо вести себя с оглядкой на принцепса и умерять собственное честолюбие. Слова τὸν ἄνδρα τὸν σωτηρόμενον звучат несколько предостерегающе. В таком случае становится ясным, почему сам Агриппа этому совету не следовал: ему не было никакой необходимости так поступать – полководец, как и сам Август, не просто принял новый порядок, он же его и создавал. И понятно, почему Август не требовал от Агриппы такого поведения – император доверял полководцу и не предпринимал усилий, чтобы застраховать себя на случай предательства Агриппы, причем не только в этом случае, но и вообще за все время их сотрудничества начиная с 44 г.

Таким образом, слова, которые Дион Кассий приписывает Агриппе, никак не соотносятся и не вписываются в поведение полководца только на первый взгляд. Последовательный отказ Агриппы от триумфов показывает, что друзья по меньшей мере однажды уже разыграли спектакль, чтобы добиться сходного итога: обеспечить в руках Августа максимальную концентрацию почестей и влияния. Вероятно, совет, данный Агриппой своим «соратникам», тоже был частью такого спектакля, преследовал ту же цель и был спланирован Августом и Агриппой совместно.

Литература

1. *Дворецкий И.Х.* 1958: Древнегреческо-русский словарь. М.
2. *Марков К.В.* 2007: Концепция идеальной монархии в «Римской истории» Диона Кассия. Дисс... к.и.н. Н. Новгород.
3. *Парфенов В.Н.* 2001: Император Цезарь Август. Армия. Война. Политика. СПб.
4. *Таривердиева С.Э.* 2012: Военно-политическая деятельность Агриппы во время галльского наместничества 40–38 гг. до н. э. // ЭНОЖ «История». 8 (16) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000455-9-1> (дата обращения: 22.05.2014).
5. *Таривердиева С.Э.* 2013: Марцелл и династическая политика Августа // SH. XIII, 158–177.
6. *Beard M.* 2007: The Roman Triumph. Camb.
7. *Blumenthal F.* 1913: Die Autobiographie des Augustus // Wiener Studien. 35, 267–288.
8. *Broughton T.R.S.* 1952: The Magistrates of the Roman Republic. Vol. II. N.Y.
9. *Charlesworth M.P.* 1933: Some Fragments of the Propaganda of Mark Antony // CQ. 27, 172–177.
10. *Crook J.* 1996: Political History, 30 B.C. to A.D. 14 // CAH. Vol. X, 70–112.

сону, задается вопросом: если образ триумфатора постепенно становился монополией императора и членов его семьи, то почему отказывался в 19 и 14 г. от триумфов Агриппа, на тот момент уже являвшийся членом семьи Августа и его фактическим соправителем, хотя позднее Тиберий, занявший его место, триумфы праздновал (Wardle 1984, 63)? Представляется, что в дополнение к ответу самого Уордла о том, что отчасти такая политика была выработана совместно Августом и Агриппой, а отчасти была вызвана враждебностью сенаторов к полководцу, можно добавить еще одно соображение: именно Агриппа взял на себя задачу воплотить в жизнь эту идею, заставить всех остальных отказаться от празднования триумфов, при этом не выставляя Августа тираном. Тиберию же не приходилось подавать другим пример такого рода: к тому времени как пасынок принцепса отпраздновал первый триумф (в 7 г. н.э.), план Августа и Агриппы уже был реализован.

11. *Eck W.* 1984: Senatorial Self-Representation: Developments in the Augustan Period // Caesar Augustus: Seven Aspects / F. Millar, E. Segal (eds.). Oxf., 129–167.
12. *Freudenturg K.* 2014: *Recusatio* as Political Theatre: Horace's Letter to Augustus // JRS. 104, 105–132.
13. *Fullerton M.D.* 1985: The *Domus Augusti* in Imperial Iconography of 13–12 B.C. // AJA. 89. 3, 473–483.
14. *Gardthausen V.* 1891: Augustus und seine Zeit. Lpz.
15. *Gowing A.M.* 1992: The Triumviral Narratives of Appian and Cassius Dio. Ann Arbor.
16. *Hickson F. V.* 1991: Augustus "Triumphator": Manipulation of the Triumphal Theme in the Political Program of Augustus // Latomus. 50, 124–138.
17. *Hinard F.* 1985: Les proscriptions de la Rome républicaine. Rome.
18. *Kienast D.* 2009: Augustus: Prinzeps und Monarch / 4. Aufl. Darmstadt.
19. *Konstan D.* 1997: Friendship in the Classical World. Camb.
20. *Liddell–Scott* 1996: A Greek-English Lexicon. Oxf.
21. *Millar F.* 1964: A Study of Cassius Dio. Oxf.
22. *Münzer F.* 1999: Roman Aristocratic Parties and Families / T. Ridley (transl.). Baltimore–London.
23. *Reinhold M.* 1933: Marcus Agrippa. A Biography. Geneva (NY).
24. *Reinhold M.* 1972: Marcus Agrippa's Son-in-Law P. Quinctilius Varus // CPh. 67, 119–121.
25. *Reinhold M.* 1988: From Republic to Principate. An Historical Commentary on Cassius Dio's *Roman History* Books 49–52 (36–29 BC). Atlanta.
26. *Roddaz J.-M.* 1984: Marcus Agrippa. Rome.
27. *Shipley F.W.* 2008: Agrippa's Building Activities in Rome. Eugene.
28. *Syme R.* 1934: Lentulus and the Origin of Moesia // JRS. 24, 113–137.
29. *Syme R.* 1939: The Roman Revolution. Oxf.
30. *Syme R.* 1986: The Augustan Aristocracy. Oxf.
31. *Wardle D.* 1994: Agrippa's Refusal of a Triumph in 19 B.C. // Antichthon. 28, 58–64.

AGRIPPA'S ADVICE TO HIS COMRADES (DIO CASS. 49. 4): AN ESSAY OF INTERPRETATION

Sabina E. Tariverdieva

The author of the article contests two main interpretations of Agrippa's advice to his associates reported by Cassius Dio (49. 4). The followers of the first view believe that Dio's information is just a product of his own fantasy and has nothing to do with Agrippa. The supporters of the second interpretation believe that Dio's account is quite reliable and therefore proves that Agrippa bewared of Augustus and that he really had such a bad opinion about rulers. It is argued in the article that the advice entirely corresponds to the common policies of Augustus and Agrippa in terms of strengthening the power of the princeps. A new interpretation of the advice is suggested: Agrippa recommended his associates to show modesty and leave their fame to the Emperor in order to secure as much as possible honour and authority for Augustus. It is very likely that Agrippa's advice to his associates was the result of his common planning with Augustus.

Keywords: Marcus Agrippa, Augustus, principate, Sicilian War, refusal of triumph, Cassius Dio.

Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia

sabinka100@yandex.ru